

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 911.3:30 (470)

Н.В. Зубаревич¹, С.Г. Сафронов²**ДОЛЯ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ В СТРУКТУРЕ РАСХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ КАК ИНДИКАТОР УРОВНЯ ЖИЗНИ И МОДЕРНИЗАЦИИ ПОТРЕБЛЕНИЯ**

Проведен анализ трансформации потребления населения регионов России за постсоветский период по данным о доле расходов на продукты питания в структуре потребительских расходов. Выявлен нелинейный тренд модернизации потребления, его обусловленность макроэкономической динамикой, уровнем доходов населения регионов, скорректированных на стоимость жизни, и уровнем бедности. Показано влияние природно-климатических, экономических и других факторов на долю натуральных поступлений продуктов питания в потреблении населения. Выявлено, что по сравнению с кризисом 1990-х гг., в последний кризис 2014–2017 гг. население регионов в минимальной степени компенсировало падение своих денежных доходов с помощью роста доходов от личного подсобного хозяйства (ЛПХ). Модель патриархальной адаптации к кризисам путем интенсификации доходов от ЛПХ уходит в прошлое в большинстве регионов.

Ключевые слова: структура потребления, регионы России, расходы на продукты питания, натуральные поступления

Введение и постановка задачи. Потребление является важной характеристикой благосостояния и уровня жизни, тесно связанной с доходами населения. Еще в конце XIX в. немецкий статистик Э. Энгель на основе эмпирических исследований доказал, что по мере роста доходов домохозяйства сокращается доля продуктов питания в его потреблении, а структура питания изменяется в сторону более качественных продуктов. Структурный сдвиг потребления от продуктов питания к непродовольственным товарам и затем к услугам подтверждается исследованиями структуры потребления домашних хозяйств во многих странах, включая СССР и Россию, где за постсоветский период среднедушевые реальные доходы населения увеличились в полтора раза [Овчарова, Попова, 2013].

Снижение доли расходов на питание нелинейно, исследования потребления в развивающихся странах показали, что в более бедных странах и группах населения доля расходов на питание может расти по мере роста доходов, поскольку еще не завершен процесс количественного насыщения базисного спроса [Жуков, 1991].

Несмотря на существенное снижение доли расходов на питание за последние 10 лет, Россия по структуре потребления домохозяйств все еще далека от развитых стран Европы, где доля расходов на питание составляет не более 20% [Овчарова, Попова, 2013]. Например, во Франции домохозяйства тратили 30% бюджета на питание в 60-е годы

XX вв., а в 2000 г. – 12%. Такая же доля питания в потребительских расходах семей США была уже в 1985 г. [Региональные ..., 2012]. В рамках единой методологии международных сопоставлений, российские домохозяйства в 2014 г. потратили на питание почти 23% всех потребительских расходов без учета питания вне дома, в Греции и Португалии эта доля составила 15%, а в США – 6% [Социальное ..., 2017].

На снижение доли продуктов питания в потреблении населения, помимо важнейшего фактора – дохода и его изменений в периоды экономического роста и кризисов, влияют также масштаб неравенства по доходу в стране или регионе. При сильном неравенстве намного больше структурные различия потребления для высоко- и низкодходных групп населения. По данным обследования бюджетов домашних хозяйств за 2014 г., 10% самых бедных российских семей тратили на покупку продуктов питания 46% доходов, а 10% самых богатых – менее 19% [Овчарова с соавт., 2014]. Еще один фактор – уровень урбанизации, структура потребления в крупных городах трансформируется быстрее, в потреблении сельского населения выше доля натуральной продукции ЛПХ, хотя она сокращается. По данным обследований бюджетов домашних хозяйств Ростата, в 2013 г. стоимостная оценка продуктового набора, поступающего из ЛПХ, составила 2,4%, в том числе у городских жителей – 1,2, у сельских – 8,1%. В 1998 г. этот показатель превышал 9%, в том

¹ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, географический факультет, кафедра экономической и социальной географии России, профессор, докт. геогр. н.; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт социальной политики, гл. науч. с.; e-mail: nzubarevich@gmail.com

² Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, географический факультет, кафедра экономической и социальной географии России, доцент, канд. геогр. н.; e-mail: saffff@mail.ru.

числе у городского населения – 7, у сельского – 31% [Овчарова с соавт., 2014].

Региональные различия структуры потребления рассматривались в двух публикациях Института социально-экономических проблем народонаселения. Показано влияние территориальной дифференциации доходов населения на структуру потребления: в регионах с относительно высокими доходами населения доля расходов на питание ниже, чем в среднем по стране, в годы экономического роста в большинстве регионов она существенно снизилась, а с наступлением кризиса 2008 г. вновь стала расти [Региональные ..., 2012]. По данным за 2009 г. показана географическая дифференциация структуры потребления [Корчагина, 2012].

В мониторинге НИУ-ВШЭ проведен региональный анализ по данным за 2013 г. [Овчарова с соавт., 2014]. Он также показал трансформацию потребления населения городских территорий с высокими доходами и отставание слаборазвитых республик, а также более сильную зависимость от натуральных поступлений из ЛПХ в низкодходных регионах. Однако доходы населения рассматривались в номинальном выражении и для объяснения неадекватного сочетания высоких доходов с повышенной долей расходов на питание в структуре потребления авторы выделили тип «удаленные северные регионы с неразвитым ЛПХ», хотя причина не в географическом положении, а в невысокой покупательной способности доходов населения этих регионов с учетом стоимости жизни.

Географические исследования потребления, начатые еще в 1960-х гг. С.А. Ковалевым [Ковалев, 1966], не получили заметного развития. Недавно опубликованные работы касаются потребления продовольствия в регионах без учета тенденций трансформации структуры потребления при изменении доходов населения, влияния факторов бедности, неравенства по доходу и др. [Корнекова, 2017; Корнекова, Файбусович, 2012].

Обзор проведенных исследований показывает необходимость более широкого по временному интервалу и более детального анализа изменений роли продуктов питания в потребительских расходах населения регионов за весь постсоветский период, включая последний кризис 2014–2017 гг., региональных изменений роли натуральных поступлений продуктов питания в потреблении домохозяйств, взаимосвязи структуры потребительских расходов и доли продуктов питания в ней не только с доходами населения, но и с уровнем бедности в регионах.

Материалы и методы исследований. База данных включает региональные показатели Росстата. Душевые денежные доходы населения были скорректированы на прожиточный минимум, для ранжирования регионов по доходу как основному фактору трансформации потребления использованы среднегодовые показатели периода максимальных разли-

чий в начале 2000-х гг. и средние за 2014–2015 гг. Показатели уровня бедности взяты за 2000 г. как последний в череде лет с максимальным уровнем бедности и за 2017 г. Показатель доли продуктов питания в потребительских расходах домашних хозяйств рассматривался ежегодно за период с 1990 по 2017 гг. Доля натуральных поступлений продуктов питания в расходах на конечное потребление домашних хозяйств³ рассмотрена за 1999 г. (время завершения кризиса 1990-х) и за 2017 гг. [Доходы ..., 2017].

Основная задача – выявить динамику и степень синхронности изменений доли продуктов питания в структуре потребительских расходов населения регионов, возможные замедления и ускорения, обусловленные макроэкономической динамикой (периоды роста и кризисов), динамикой роста доходов населения и снижения уровня бедности. Еще один компонент трансформации потребления – динамика доли натуральных поступлений продуктов питания в конечном потреблении домашних хозяйств. Для выявления изменений использованы стандартные статистические и картографические методы.

Результаты исследований и их обсуждение. Проведенные расчеты подтверждают, что структурные изменения расходов на продукты питания сильнее всего зависят от базового фактора – доходов населения. Следствием кризиса 1990-х гг. стало более чем двукратное снижение доходов населения и рост доли расходов на продовольствие в потребительских расходах населения с 35% в 1990 г. до 52% в 1995 г. и 54% в 1998–1999 г. В период экономического роста 2000-х гг. доля расходов на питание сократилась во всех регионах (табл. 1), так как именно тогда быстрее всего росли доходы населения – с 1998 по 2007 гг. они увеличились в 3 раза в ценах 1991 г. [Овчарова, Попова, 2013]. В кризис 2009 г., по данным Росстата, сокращения доходов населения не произошло, однако в 16 регионах в 2009 г. отмечался рост доли продуктов в потребительских расходах населения, в основном в слаборазвитых республиках и некоторых северных регионах, а в 10 регионах эта доля не менялась. Незначительное снижение доли продовольствия в потреблении населения большинства регионов продолжалось до 2013 г. В период последнего кризиса проявился обратный тренд, обусловленный падением реальных доходов населения на 11% с 2014 до 2017 гг. Особенно сильным был «откат» назад в регионах с относительно низкой и средней долей расходов на питание, многие из них сдвинулись по шкале распределения в худшую группу.

На рис. 1, составленном по средним данным за период с наиболее низкой долей расходов на продукты питания (2012–2014 гг.), показана динамика до и после 2013 г. В среднем по России с 1998 г. до 2013 г., когда было зафиксировано минимальное значение доли расходов на продукты питания, она

³ Расходы на конечное потребление домашних хозяйств включают потребительские расходы, стоимость натуральных поступлений продуктов питания и стоимость предоставленных в натуральном выражении дотаций и льгот.

Таблица 1

Распределение регионов по доле расходов на продукты питания в потребительских расходах, число регионов

Доля, % (среднее за 3 года)	1998–2000	2006–2008	2012–2014	2015–2017
менее 25	–	4	7	–
25–30	–	26	28	13
30–35	2	34	36	40
35–40	2	10	8	23
40–45	4	6	1	5
45–50	15	2	1	2
50–55	16	–	1	–
55–60	27	–	1	2
60–65	14	–	–	–
65–70	–	1	–	–
70–75	1	–	–	–
75–80	1	–	–	–

Источники: Социальное положение и уровень жизни населения: Статистический сборник. 2000–2017 гг.; Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств: Бюллетень Росстата за 2017 г.

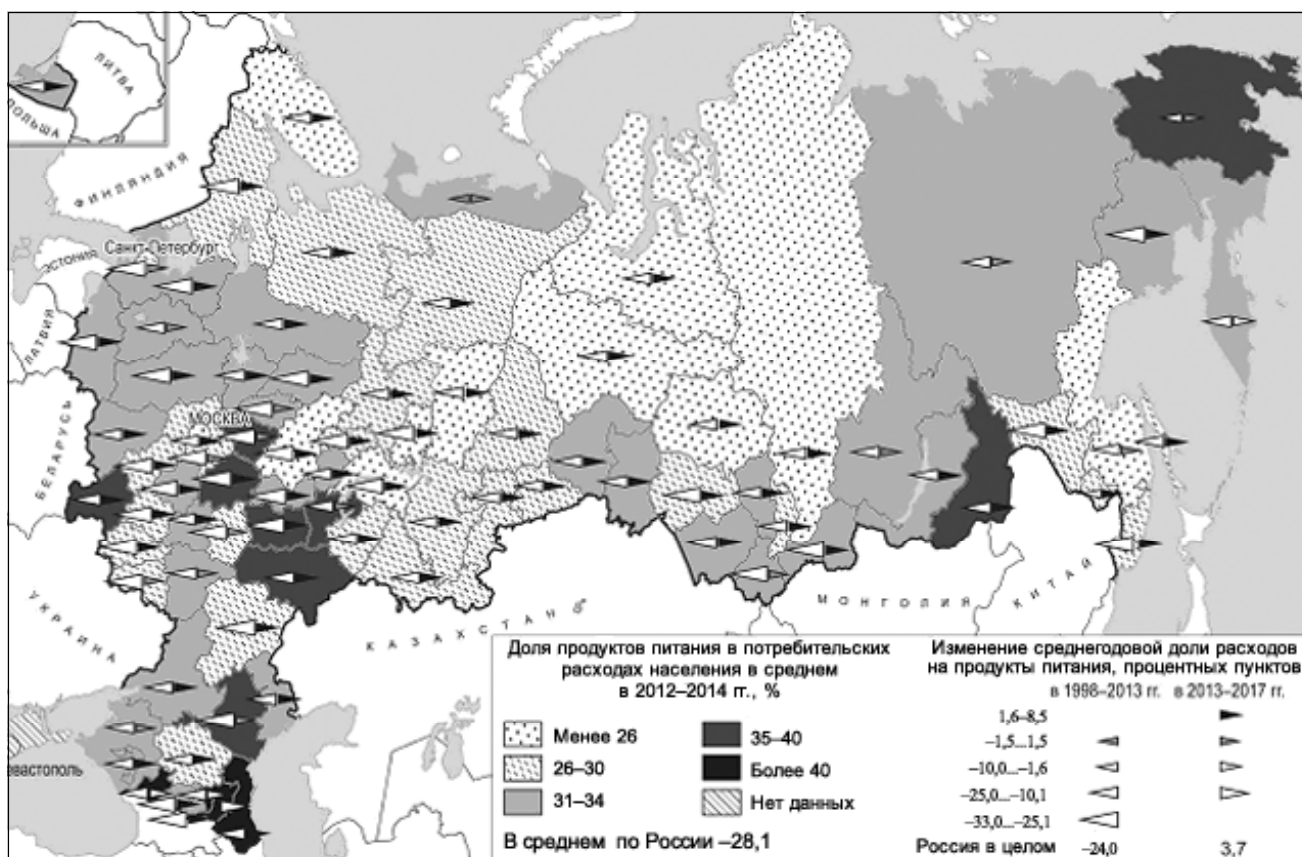


Рис. 1. Доля продуктов питания в потребительских расходах населения регионов (%) и ее изменения (п. п.). Источники: Социальное положение и уровень жизни населения: Статистический сборник. 2000–2017 гг.; Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств: Бюллетень Росстата за 2017 г.

Fig. 1. Share of food in consumer spendings of population in the regions (%) and its dynamics (п. п.). Sources: Sotsialnoe polozhenie i uroven ..., 2000–2017; Dohody, rashody i potreblenie ..., 2017

сократилась на 24 процентных пункта (п. п.). Зона максимального снижения (25–33 п. п.) охватила большинство регионов Центра и Северо-Запада, а также некоторые слабо развитые республики Северного Кавказа и Сибири. Более скромной (10–24% п. п.) была динамика в русских регионах Юга, а также на Урале, Европейском Севере и в Сибири, где модернизация потребительского поведения отставала, а условия для модернизации были хуже. Исключение составляли лишь более продвинутой Новосибирская область и приграничный Приморский край.

С началом нового кризиса 2014–2017 гг. почти повсеместно начался рост доли продуктов питания в структуре расходов. Менее заметен он в слабо развитых республиках (особенно в Чечне, Ингушетии, Калмыкии), где достоверность статистических измерений доходов и потребления невысока, а доля продовольствия в потребительских расходах и так максимальна, а также в некоторых северных регионах, где динамика в период экономического роста была менее интенсивной.

На фоне значительного снижения, а затем некоторого роста доли продуктов питания в потребительских расходах происходило сближение регионов по значению этого показателя. Уже на этапе экономического роста различия между лидерами трансформации потребления и большинством остальных регионов сократились. Кризис не остановил этот процесс, за последние 4 года разброс регионов стал еще меньше: среднее квадратическое отклонение по этому показателю уменьшилось за период 1998–2017 гг. почти на четверть.

На этот общий тренд накладываются особенности прохождения кризисов. На этапе компенсационного подъема доходы населения менее развитых регионов в результате перераспределительной по-

литики государства быстрее «подтягиваются» вверх, и различия в расходах на продукты питания по сравнению с развитыми регионами уменьшаются. С началом очередной волны кризиса отстающие регионы теряют финансовую «подушку безопасности», их жители быстрее возвращаются к кризисным моделям выживания, в то время как население развитых регионов поддерживает закрепившиеся в благополучные годы более модернизированные модели потребления. С такого рода процессами было связано увеличение межрегиональной дифференциации в кризисы 1998, 2009 и, в меньшей степени, последнего кризиса, начавшегося в 2014 г., которому предшествовал значительно менее интенсивный компенсационный подъем.

Матрица распределения регионов по отношению душевых денежных доходов, скорректированных на прожиточный минимум, и доле продуктов питания в потребительских расходах населения в 2002 и 2015 гг. также показывает долгосрочную тенденцию сокращения региональной дифференциации и общее смещение в сторону более низкой доли расходов на продукты питания по мере роста доходов (табл. 2). Но изменения идут нелинейно, в 2002 г. более десятка регионов имели повышенную долю расходов на продукты питания при лучших показателях доходов, а в 2015 г. – 16 регионов. Отчасти это можно объяснить влиянием выбранных границ распределения в матрице, но сокращение доли расходов на продукты питания в разных регионах обусловлено не только влиянием уровнем дохода.

Географические различия более понятны при анализе изменений доли расходов на питание в потребительских расходах по регионам с разным уровнем развития и доходов населения, а также с разной структурой экономики (рис. 2). По уровню экономического развития и доходов населения все регионы

Таблица 2

Распределение регионов по доле расходов на продукты питания в потребительских расходах и отношению душевых денежных доходов населения к прожиточному минимуму, число регионов

Отношение душевых денежных доходов к прожиточному минимуму, %	Доля продуктов питания в потребительских расходах, %					Итого
	60% и более	50–60	40–50	30–40	менее 30	
2002 г.						
менее 100	1					1
100–150	8	6		1		15
150–200	7	25	1	8		41
200–300		11		8		19
более 300			3	1		4
<i>Итого</i>	16	42	4	18		80
2015 г.						
	60% и больше	50–60	40–50	30–40	менее 30	Итого
150–200		1	1	6		8
200–300			6	41	6	53
более 300		1		16	7	24
<i>Итого</i>		2	7	63	13	85

Источники: Социальное положение и уровень жизни населения: Статистический сборник. 2000–2017 гг.; Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств: Бюллетень Росстата за 2017 г.

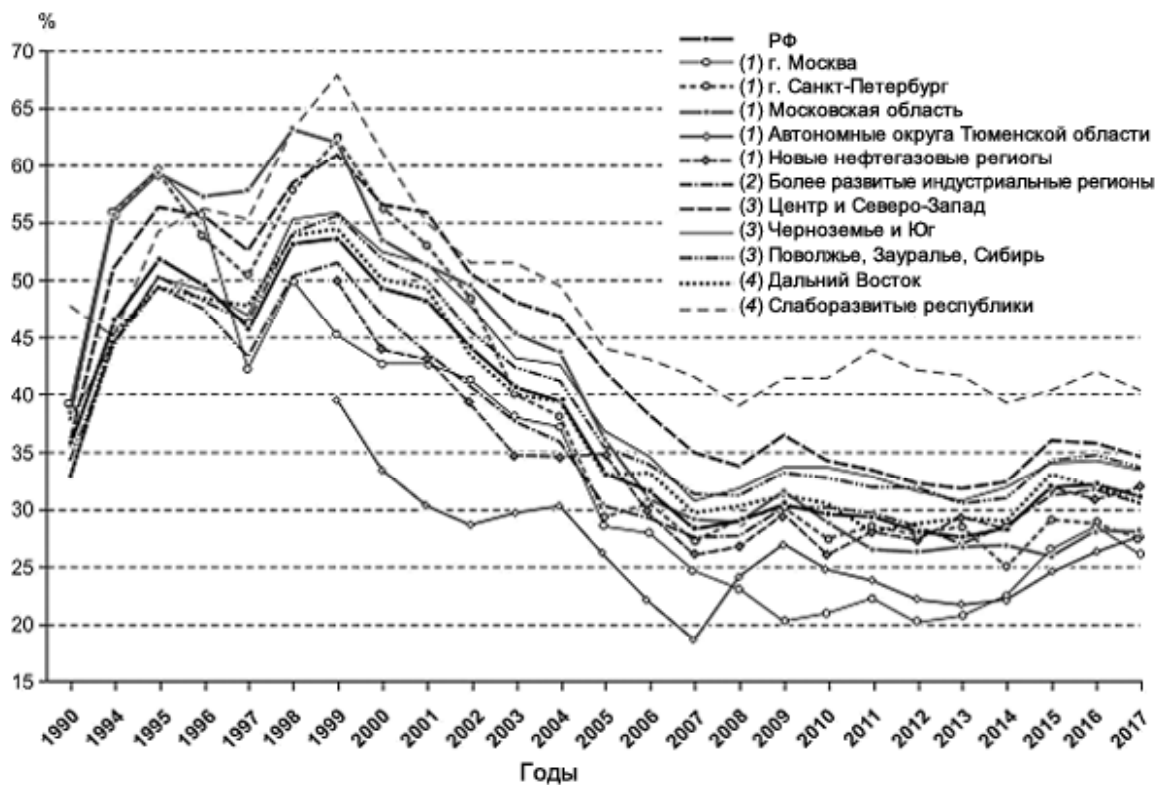


Рис. 2. Доля расходов на питание в потребительских расходах домашних хозяйств по отдельным регионам и группам регионов с разным уровнем доходов, скорректированных на прожиточный минимум, и разным географическим положением, %. *Источники:* Социальное положение и уровень жизни населения: Статистический сборник. 2000–2017 гг.; Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств: Бюллетень Росстата за 2017 г.

Fig.2. Share of food expenses in consumption of the households by particular regions and groups of regions with different levels of money income adjusted for the cost of living, and different geographical position, %. *Sources:* Sotsialnoe polozhenie i uroven ..., 2000–2017; Dohody, rashkody i potreblenie ..., 2017

были разделены на 4 группы: развитые (1), относительно развитые (2), среднеразвитые (3) и слабо-развитые (4). Только в трех самых развитых регионах с высокими доходами – Москве и автономных округах Тюменской области – динамика устойчиво лучше средней по стране, но в них же отмечался более сильный возвратный структурный сдвиг в ходе последнего кризиса. Со значительным опозданием, только к концу периода экономического роста к лидерам приблизились С.-Петербург, Московская область как внешняя зона столичной агломерации и два новых нефтегазодобывающих региона (Сахалинская область и Ненецкий АО), но при ухудшении экономической ситуации с 2015 г. они сдвинулись ближе к средним значениям. Показатели относительно развитых регионов и их динамика фактически совпадают со средними по РФ. Как и по другим индикаторам, средний показатель по РФ заметно выше медианного. В большинстве среднеразвитых регионов, почти вне зависимости от их географического положения, динамика изменений хуже средней по стране, трансформация запаздывает, хотя региональные различия заметно сократились. Только в регионах Дальнего Востока показатели ближе к средним по РФ, что с большой вероятностью объясняется повышенным уровнем урбаниза-

ции. Медленней всего идет трансформация потребительских расходов в слабо-развитых республиках с низкими доходами населения и повышенным уровнем бедности, в них сохраняется высокая доля расходов на питание в потребительских расходах.

Сопоставление доли расходов на продукты питания и уровня бедности в регионах в конце кризисных 1990-х и в среднем за последние три года позволяет выявить две тенденции (рис. 3). Первая – сокращение разброса обоих показателей, за исключением нескольких регионов с низкой достоверностью статистических измерений (республики Ингушетия, Дагестан, Тыва). Вторая – ослабление взаимосвязи доли расходов на продукты питания и уровня бедности. Из анализа графика следует, что степень взаимозависимости этих явлений за последние полтора десятилетия несколько уменьшилась: плотное облако регионов 2015–2017 гг. отличается от распределения конца 1990-х гг., несмотря на близкие значения коэффициента регрессионного уравнения. Значение коэффициента корреляции между ними уменьшилось с 0,5 до 0,3. Причина в том, что сильное снижение уровня бедности за рассматриваемый период (с 29 до 13%) вывело из числа бедных большую часть второй и всю третью децильную группу распределения на-

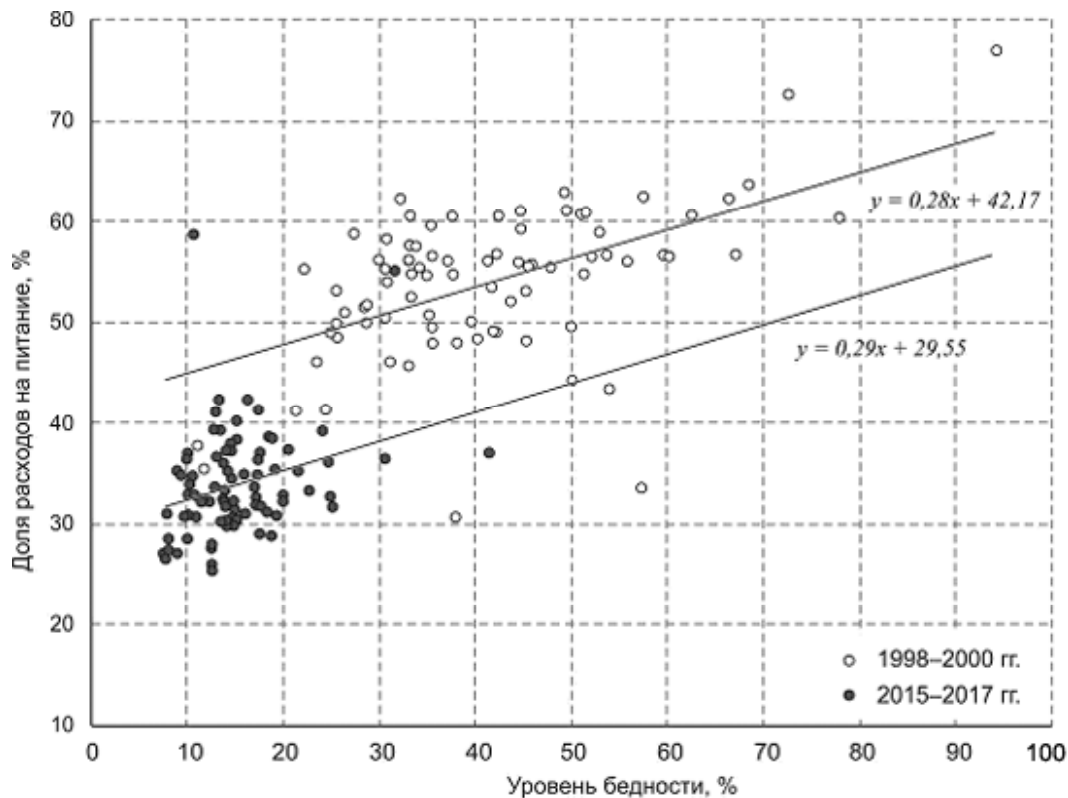


Рис. 3. Распределение регионов по уровню бедности и доле расходов на питание в потребительских расходах в 1998–2000 и 2015–2017 гг., %. *Источники:* Социальное положение и уровень жизни населения: Статистический сборник. 2000–2017 гг.; Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств: Бюллетень Росстата за 2017 г.

Fig. 3. Rating of regions by poverty level and share of food expenses in consumption in 1998–2000 and 2015–2017, %. *Sources:* Sotsialnoe polozhenie i uroven ..., 2000–2017; Dohody, raskhody i potreblenie ..., 2017

селения по доходу, хотя в структуре их потребления доля расходов на продукты питания по-прежнему остается высокой.

Еще один тренд – значительное сокращение роли натуральных продуктов питания, в основном получаемых от ЛПХ, в потреблении домашних хозяйств. В конце кризиса, в 1999 г. они составляли 10,8% всех расходов на конечное потребление домашних хозяйств, в том числе 6,2% для проживающих в городской местности и 28,3% для проживающих в сельской местности. Самую значительную долю имели слаборазвитые автономные округа Сибири и Предуралья (29–41%), области Черноземного Центра и некоторые прилегающие к ним, менее развитые республики Поволжья (20–23%) и, если верить статистике, только одна из республик Северного Кавказа – Карачаево-Черкесия (29%). С учетом большой доли натуральных поступлений продуктов питания структурный сдвиг потребления в сторону питания в кризисный период был еще более сильным, особенно в менее урбанизированных и менее развитых регионах, а также в регионах с лучшими агроклиматическими условиями.

Перелом произошел в период экономического роста 2000-х: к 2007 г. доля натуральных поступлений снизилась до 4,4%, в 2010-х стабилизировалась на уровне немногим выше 3%. В период кризисного

спада доходов населения 2014–2017 гг. доля натуральных поступлений практически не росла и в 2017 г. составила 3,3%. Россияне постепенно утрачивают привычку «кормиться с земли» в кризисные годы, если доходы сокращаются более медленно и не так сильно, как это было в 1990-х гг.

В региональном разрезе этот поведенческий сдвиг идет с разной скоростью. Повышенную долю (6–9%) сохраняют более аграрные, традиционалистские или менее развитые регионы: области Черноземного Центра и прилегающие к ним, почти все республики Поволжья (Марий Эл, Чувашия, Башкортостан, Татарстан, Удмуртия), Оренбургская область и Алтайский край, депрессивная Курганская и Амурская области, менее развитые республики Северного Кавказа и юга Сибири (Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Алтай, Тыва, Хакасия). В них также сократилась доля натуральных поступлений продуктов питания в потреблении, но их роль остается значимой – «кормиться с земли» вынуждают и низкие доходы, особенно в сельской местности, и укорененность традиций ведения более масштабного ЛПХ. Исследования Т.Г. Нефедовой по данным сельскохозяйственной переписи 2016 г. также показывают, что производство продовольствия в ЛПХ и на дачных участках более развито в регионах Черноземья и всей степной зоны, в рес-

публиках Северного Кавказа, Поволжья и юга Сибири [Нефедова, 2018].

Выводы:

– за последнюю четверть века население России сильно трансформировало структуру потребления: в 1990-е гг. она сдвинулась к модели выживания с резким увеличением доли продуктов питания в структуре потребления, к концу периода экономического роста 2000-х гг. начался переход от модели выживания к модели развития со снижением доли расходов на продукты питания, после кризиса 2009 г. этот сдвиг замедлился, а с началом нового кризиса 2014–2017 гг. происходит обратный процесс роста доли расходов на продукты питания.

В регионах эти сдвиги в основном совпадали по времени, но различались по динамике. Можно выделить четыре группы регионов:

– самые развитые с опережающим снижением доли расходов на продукты питания (Москва и автономные округа Тюменской области) и приблизившиеся к ним в период экономического роста С.-Петербург, Московская область и два новых нефтегазодобывающих региона (Ненецкий АО и Сахалинская область); однако именно эти регионы испытали наиболее сильный возвратный сдвиг структуры потребления в последний экономический кризис;

– относительно развитые регионы, динамика которых совпадает со средней по стране;

– среднеразвитые регионы, отстающие от среднего показателя по стране, но постепенно сближающиеся с ним; быстрее всего это происходило в ре-

гионах Дальнего Востока вследствие высокой урбанизированности;

– слабо развитые республики с повышенной долей расходов на продукты питания вследствие низких доходов населения.

Влияние фактора доходов остается доминирующим, но оно нелинейно – в регионах с низкой стоимостью жизни (Черноземье, Юг) отношение доходов к прожиточному минимуму выше, но доходы в рублях невелики, что приводит к сохранению повышенной доли расходов на продукты питания.

Влияние уровня бедности населения регионов на структуру потребления ослабело по сравнению с концом 1990-х гг. по двум причинам: сильно сократилась дифференциация большинства регионов по уровню бедности и более чем в 2 раза снизился сам уровень бедности, в результате из числа бедных выпала большая часть населения с относительно низкими доходами, в потреблении которых сохраняются высокая доля продуктов питания.

Типичная для России стратегия выживания «на земле» (за счет натуральных поступлений продуктов питания, в основном от ЛПХ) постепенно уходит в прошлое, хотя все еще остается привычной для менее развитых и более аграрных регионов. В кризис 2014–2017 гг. почти не было роста натуральных поступлений продуктов питания в структуре потребления домашних хозяйств подавляющего большинства регионов. Значительная часть населения России уже не возвращается к патриархальным практикам выживания в трудные времена.

Благодарности. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2019 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств // Бюллетень Росстата за 2017 г. С. 55–58.

Жуков С.В. Развивающиеся страны: сфера услуг и экономический рост. М.: Наука, 1991. С. 78–79.

Ковалев С.А. География потребления и география сферы обслуживания // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 1966. № 2. С. 3–10.

Корнекова С.Ю. География продовольственного потребления: системный анализ. СПб.: Издательство СПбГЭУ, 2017. 242 с.

Корнекова С.Ю., Файбусович Э.Л. Территориальные различия потребления продовольственных товаров населением России // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2012. № 6. С. 58–64.

Корчагина И.И. Доходы и потребление населения в региональном измерении // Пространственная демография и социальная среда. М.: М-Студио, 2012. С. 196–236.

Нефедова Т.Г. Современное крестьянское хозяйство в сельско-городской среде // Крестьяноведение. 2018. Т. 3. № 1. С. 111–133.

Овчарова Л.Н., Бирюкова С.С., Тер-Акопов С.А., Варданян Е.Г. Что изменилось в доходах, расходах и потреблении населения? // Мониторинг доходов, расходов и потребления российских домохозяйств. М.: НИУ-ВШЭ, 2014. № 2. 42 с.

Овчарова Л.Н., Попова Д.О. Доходы и расходы российских домашних хозяйств: что изменилось в массовом стандарте потребления // Мир России. 2013. № 3. С. 3–34.

Региональные особенности уровня и качества жизни / Под ред. Н.М. Римашевской. М.: ИСЭПН – М-Студио, 2012. С. 302–311.

Социальное положение и уровень жизни населения // Стат. сборник Росстата. 2017 г. (раздел «Международные сопоставления»). С. 330.

Поступила в редакцию 29.10.2018

После доработки 15.11.2018

Принята к публикации 06.12.2018

N.V. Zubarevich¹, S.G. Safronov²

**THE SHARE OF FOOD IN TOTAL CONSUMPTION OF THE POPULATION
OF RUSSIAN REGIONS AS AN INDICATOR OF THE STANDARD
OF LIVING AND CONSUMPTION MODERNIZATION**

Transformation of food consumption in Russia's regions during the post-Soviet period is analyzed basing on the data on the share of food expenditure in the structure of consumer spending. A non-linear trend of consumption modernization is revealed, as well as its dependence on macroeconomic dynamics, level of money income adjusted for the cost of living, and poverty rate. The article shows the influence of geographic, economic and other factors on the share of natural food revenues in population consumption. Compared with the crisis of the 1990s, the latest crisis of 2014–2017 showed that the population of the regions just minimally compensated the decreasing money income by the growing revenues from household plots of land. The patriarchal model of adaptation to crises by intensifying revenues from the household plots is becoming a thing of the past in the majority of Russian regions.

Key words: consumption structure, regions of Russia, share of food expenses in consumption, natural food supplies

Acknowledgements. The study was implemented under the Basic Research Program of the National Research University Higher School of Economics (HSE) in 2019.

REFERENCES

Dohody, raskhody i potreblenie domashnih hozyaystv [Households incomes, spendings and consumption] // State Statistic Committee. 2017. S. 55 – 58. (In Russian)

Korchagina I.I. Dohody i potreblenie naseleniya v regionalnom izmerenii [Population incomes and consumption in the regional dimension] // Prostranstvennaya demografiya i sotsialnaya sreda. [In: Spatial demography and social environment] Moscow: M-Studio, 2012. S. 196–236. (In Russian)

Kornekova S.Yu. Faybusovich E.L. Territorialnye razlichiya potrebleniya prodovolstvennyh tovarov naseleniem Rossii [Territorial differences in the consumption of food products by the population of Russia] // Ivestiya St-Pb unversity of economics and finance. 2012. № 6. S. 58–64. (In Russian)

Kornekova S.Yu. Geografiya prodovolstvennogo potrebleniya sistemnyj analiz [Food consumption geography: systemic analysis]. St-Petersburg, 2017. 242 s. (In Russian)

Kovalev S.A. Geografiya potrebleniya i geografiya sfery obsluzhivaniya [Consumption geography and geography of service sector] // Vestnik MSU, Series Geogr. 1966. № 2. S. 3–10. (In Russian)

Nefedova T.G. Sovremennoe krestyanskoe hozyaistvo v selsko-gorodskoi srede [Present-day peasant economy in the rural-urban environment] // Krestyanovedenie. 2018. T. 3. № 1. S. 111–133. (In Russian)

Ovcharova L.N., Biryukova S.S., Ter-Akopov S.A., Vardanyan E.G. Chto izmenilos v dohodah, raskhodah i potreblenii naseleniya [What has changed in population incomes, spendings and consumption?] // Monitoring dohodov raskhodov i potrebleniya rossiyskikh domohozyaystv [Russian households incomes, spendings and consumption monitoring]. HSE. Moscow, 2014. № 2. 42 s. (In Russian)

Ovcharova L.N., Popova D.O. Dohody i raskhody rossiyskikh domashnih hozyaystv: chto izmenilos v massovom standarte potrebleniya [Incomes and spendings of Russia's households: what has changed in the mass standard of consumption?] // Russia's World. 2013. № 3. S. 3–34. (In Russian)

Regionalnye osobennosti urovnya i kachestva zhizni [Regional features of the standard of living and quality of life] / Ed. by N.M. Rimashevskaya. Institute of socio-economic problems of the population. M-Studio, 2012. S. 302–311. (In Russian)

Sotsialnoe polozhenie i uroven zhizni naseleniya [Social situation and standard of living of the population]. State Statistic Committee. 2017 (International comparisons). S. 330. (In Russian)

Zhukov S.V. Razvivayushchiesya strany: sfera uslug i ekonomicheskij rost [Developing countries: service sector and economic growth]. Moscow: Nauka, 1991. S. 78–79. (In Russian)

Received 29.10.2018

Revised 15.11.2018

Accepted 06.12.2018

¹ Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography, Department of Economic and Social Geography of Russia, Professor, D.Sc. in Geography; National Research University Higher School of Economics, Institute for Social Policy, Chief Research Scientist; *e-mail*: nzubarevich@gmail.com.

² Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography, Department of Economic and Social Geography of Russia, Associate Professor, PhD. in Geography; *e-mail*: saffff@mail.ru.